

есть к тем временам, когда общество, в современном смысле слова, как цивилизация еще не сформировалось.

Как не сформировавшийся социум, так и рассыпающийся заставляют рассматривать любого субъекта самодостаточным. Индивид, институт, группа, семья, этнос, страна существуют, прежде всего, для них самих. *Культура добровольной изоляции, невосприимчивость к чужим ценностям, неспособность найти в самом себе силы для самораскрытия — именно они и обуславливают то мировосприятие, какое называют провинциализмом.* Но такое название оно получает не раньше, чем заявляет о себе противоположная ему открытая культура комплементарности качественно разнородных субъектов.

Провинциализм может быть разным и зависит от того, кто его создает. Это просто человеческое мышление, определившее свое негативное отношение к чужой культуре. Провинциализм — это самодовольство, а не-провинциализм — это, пожалуй, недовольство собой.

ГЕННАДИЙ
АНДРЕЕВИЧ
КРАМОР

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ: ЧЕТЫРЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь понятий столичного и провинциального, взаимообусловленность бытия столицы и провинции как культурных образований, представляющих в системе поселений. В качестве исследовательской модели взята круговая модель культуры, на основе которой выделяется четыре аспекта взаимоотношений столицы и провинции, в т. ч. и маргинальность последней.

Характер классических взаимоотношений столицы и провинции прекрасно описан Н. К. Пиксановым как «контраст богатства и скудости»: «В столице сосредоточиваются материальные богатства, технические средства, организационная власть, культурные силы, международное общение. Здесь создаются, берегутся и эксплуатируются лучшие достижения национальной и интернациональной культуры. <... > Столица выкачивает из провинции и материальные средства и духовные силы» [Пиксанов 1928:52]. В противоположность этому постмодернистская мировоззренческая парадигма провозглашает равнозначность, равноценность центра и периферии, столицы и провинции; по мнению некоторых исследователей, лозунг современности — «Провинция обретает глобальное измерение» [Качкин 1999:123]. Означает ли это исчезновение дихотомии «столица–провинция»? Попробуем для разрешения этого вопроса разобраться в некоторых особенностях взаимоотношения двух явлений.

Понятия столицы и провинции контражны: столица — это то, что не является провинцией, и наоборот¹. В самом общем смысле столицей может быть названо средоточие максимальной качественности, «культурности»² того или иного вида деятельности субъекта культуры (человека), конкретно (пространственно) выраженное в виде некоего поселения³. Соответственно, провинция, наоборот, характеризуется иной мерой качества деятельности, пониженной ее интенсивностью⁴. Так, если рассмотреть простейший уровень взаимоотношения столицы и провинции, условно выраженный дихотомией «город–деревня», их оппозиция с экономической точки зрения будет выражена именно в характере производства: город

О. Трофимова. ДОРОГА

тяготеет к интенсивному фабричному и заводскому производству по переработке природного сырья, деревня же — к экстенсивному добывающему — преимущественно сельскохозяйственному — производству (промыслу).

Отношения столицы и провинции удобно рассматривать на самой общей круговой модели культуры. В этой модели пространство собственно круга можно представить как поле деятельности субъектов культуры; границы круга (окружность) «о-пределяют» окультуренное природное пространство, вне которого — пространство неосвоенное, первозданное природное. Внутри круга также находится точка, относительно которой определяется граница ок-

ружности, т. е. центр, откуда исходят импульсы дальнейшего освоения, окультуривания пространства. Центральность же — содержательно важное ядро понятия «столица». Столица — всегда центр, та «точка»-поселение, в подчинении которого находится и к которому тяготеет «не-центр», множество прочих «точек»-поселений, входящих в круг того или иного культурного пространства, которое может быть в таком случае соотнесено с провинцией⁵. Центр-столица в этой модели представляется средоточием абсолютной культурности, а окружность-периферия — границей с абсолютной природностью; пространство провинции — собственно круг с «выколотым» центром, область между центром и окружностью, бывшее природное пространство, подвергшееся культурному освоению, идущему из центра⁶.

Пространство провинции — пространство культуры, но мера его культурности ослаблена экстенсивностью освоения природного пространства и неявным, скрытым влиянием последнего. Для центра-столицы провинция — тоже объект воздействия, преобразования. Если вернуться к круговой модели, то можно предположить, что чем более удалена точка от центра, тем слабее влияние последнего на нее. В свою очередь, если меру удаленности от центра принять за радиус воображаемой окружности, то чем больше будет эта мера, тем протяженнее будет окружность. Если же меру длины окружности принять за меру экстенсивности освоения внешней среды, то следует вывод: по мере удаления от центра-столицы нарастает мера экстенсивности, количественности провинции, что выражается в увеличении количества поселений и соответствующем уменьшении их размеров и значимости⁷. Образно говоря, чем дальше от центра — средоточия «культурности», тем значительнее мера «природности». Однако всякое поселение не пере-

стает быть элементом данного культурного целого («форпостом культуры») до тех пор, пока поддерживает связь с более крупным поселением, которое связано с более крупным и т. д. Так намечается первый уровень системной иерархии, когда отношения связи и субординации удерживают целостность каждой конкретной культурной системы «столица–провинция» (и в этом – первая особенность их взаимоотношений).

Однако каждый элемент также может быть рассмотрен как система (в этом – вторая особенность). Проанализируем «классический» случай административного типа отношений столицы и провинции. Условно минимальной системой при этом можно считать субординационное звено «крупное поселение–малые поселения»: в том или ином «подчинении» у всякого поселения A^2 могут находиться несколько близлежащих более мелких поселений A^1 . Они образуют некую систему. В свою очередь, поселение A^2 (с «гроздьей» из A^1) может входить как элемент в более разветвленную систему, в которой поселения, подобные A^2 , будут подчиняться крупному центру A^3 . Несколько аналогичных друг другу систем типа A^3 могут подчиняться еще более значительному центру A^4 и т. д. до установленного предела. Пример такой цепочки субординации из истории России XIX–начала XX вв.: столица империи – губернский, краевой город – уездный, окружной город – волостной центр (заштатный город, слобода, поселок, село) – рядовые поселения (село, деревня) – выселки (хутор, заимка). Кратко эта схема может быть представлена как оппозиция *города и деревни*⁸, а более развернуто – как взаимоотношения мегаполиса (главной столицы) – города (локальной столицы) – села, деревни⁹. В этом случае *экстенсивность* малого провинциального поселения проявляется в преимущественно аграрном характере занятий его жителей, их «привязанности к земле» не только в производственном плане, но и в бытовом (экстенсивная, занимающая большую площадь малоэтажная застройка с приусадебными участками), малой развитости промышленности и сети учебных заведений; окружающая природа естественно «входит» в такое поселение, а оно словно «сливается» с нею; при этом малые поселения доминируют по численности относительно больших городов¹⁰. *Интенсивность* же большого города, напротив, предполагает занятость жителей преимущественно в неаграрных сферах деятельности – управлении, образовании, науке, индустрии, торговле и т. п., их отрыв от земли не только в производственном плане, но и в бытовом (интенсивная многоэтажная застройка), в развитости сети учебных заведений и научных учреждений; такой город «противостоит» окружающей природе, которая уже на окраинах «подавлена» зоной промышленных предприятий. В архаичных и традиционных культурах также сильно представление о городе как интенсивном выражении творящих сил, сакральном «центре мира»¹¹.

Таким образом, происходит импликация понятия культурности на понятие личности: всякое поселение – локальный центр для тяготеющей к нему области более мелких поселений¹². Губернский город – локальная столица для всех губернских поселений (тех же уездных городов); уездный город – для волостных центров, и т. д. Практически каждый элемент в такой системе отношений выступает и как провинциальный (по отношению к высшей ступени), и как столичный (локально – по отношению к низшей ступени). Таким образом, то или иное культурное пространство оказывается дифференцированным на некоторое множество локальных культурных пространств, объединенных только интегрирующим влиянием главного (в данном культурном пространстве) центра-столицы, представляющего как носитель некоей ценности. Такой принцип организации аналогичен с *фрактальным*, когда каждый элемент системы оказывается подобным системе в целом. Если снова представить модель «центр–круг», то, подобно фигурам фрактальной геометрии, каждый элемент данной системы, каждая точка при прибли-

жении к нему будет оказываться центром локальной системы, каждая точка этой системы — соответственно центром другой, более локальной, но опять же аналогичной той, в которую она входит и т. д.

Третья особенность — в различии видов деятельности субъектов культуры. Наиболее распространено представление о столице и провинции как политико-административных образованиях, когда столица является средоточием административной власти над пространством провинции. Однако подобные отношения обнаруживаются и в других сферах общественной жизни: существуют центры художественные, подразделяемые, в свою очередь, по различным родам искусства (литература, музыка, изобразительное искусство и т. д.), ремесленные и производственные, подразделяемые также по различным типам производства, религиозные — центры паломничества приверженцев различных религий и т. д. Порою одно и то же поселение может принимать на себя функции территориального центра-столицы различных видов деятельности (например, Москва XX в.), порою же эти функции распределяются по различным поселениям (например, Петербург XIX в. был столицей административной, но отнюдь не религиозной). Одно и то же поселение может быть и столицей, и провинцией в разных отношениях (для разных культурных областей)¹³.

Наконец, четвертая особенность — некоторая *маргинальность* существования провинции. В силу положения между оторванным от земли культурным центром-столицей и природной периферией в провинции возникает феномен несоответствия иных культурных явлений (возникших из желания присвоить себе некоторые атрибуты столичности) тому природному контексту, в котором они в последующем существуют¹⁴. Феномен этот возникает отчасти и потому, что провинциальный субъект культуры в своем стремлении самоутвердиться пытается «примерить на себя», овладеть и некоторыми конкретными атрибутами столичности. Возьмем пример из архитектуры. Столичным архитектурным формам свойственна (в пределе) максимальная репрезентативность, выражающаяся в масштабе сооружения, качестве строительного материала, профессиональном мастерстве проекта и художественного оформления, творческих новациях, — иначе говоря, максимальная интенсивность освоения природного материала, преодоления косности материи. Провинциальные архитектурные формы, соответственно, более природны, что выражается в редукции вышеуказанных признаков. Масштаб провинциальной архитектуры мельче, качество строительных работ — хуже, профессионализм провинциального архитектора — ниже, художественное оформление — скуперее, а творческие новации скованы либо инерцией традиционализма (в лучшем случае), либо шаблонностью проективного мышления (в худшем случае). Если же провинциальный субъект культуры начинает присваивать себе качества столичности, то в архитектуре это может выражаться в разнообразных нелепицах вроде смешения стилей, диспропорциональности сооружения, несоответствия его величины градостроительному окружению и т. п.¹⁵. В то же время это порождает феномен «самобытности» провинциальной архитектуры, выражающийся, как правило, именно в этом вольном обращении со стилевыми канонами и свободном, органичном слиянии чистых столичных стилевых форм с традиционными для данной местности, фольклорными элементами¹⁶.

Подводя итоги, можно сделать вывод: взаимоотношения столицы и провинции далеко не столь однозначны и прямолинейны, как их представляют классическая и постмодернистская парадигмы. В них наблюдается своеобразная диалектика, когда одно явление не может существовать без другого и обуславливает его бытие. Столица для провинции — эталон культурности, провинция для столицы — поле конкретизации идеальных культурных образований. Само культурное пространство градуируется: мера его столичности соотносима с мерой интенсивнос-

ти, качественности деятельности субъекта, а мера провинциальности — с мерой экстенсивности, количественности деятельности. Кроме того, каждое поселение как субъект культуры может выступать и в качестве столицы, и в качестве провинции — в зависимости от того, в каком отношении оно рассматривается (по видам деятельности субъекта и/или по положению в иерархии субъектов); в таком случае, действительно, столично каждое поселение — но в разной мере качественности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Т. А. Чичканова, обращаясь к этимологии и истории понятия «провинция», определяет ее как «всю территорию государства, за исключением его административной столицы» [Чичканова 1999:210].
- ² Под культурностью здесь понимается прежде всего стремление субъекта максимально организовать пространство своей жизнедеятельности, освоить, подчинить его себе, структурировать, выделить из природного хаоса неопределенности.
- ³ Поселение — это прежде всего общность, человеческое сообщество, в котором «“Субъект” — носитель деятельности, “объект” — все то, на что она направлена»; «реальным субъектом человеческой деятельности является человек» [Ларин 2000:123].
- ⁴ Например, «в любом сатирическом изображении точка зрения отражает позицию прогрессивных сил, а провинция обобщенно интерпретируется как «тормоз» на пути прогресса» [Чичканова 1999:207]. По мнению И. К. Пантина, дихотомия «центр–провинция» на протяжении нескольких веков российской истории воспроизводила «расщепленный тип общественного развития: с одной стороны, модернизирующий центр, с другой — противостоящий ему мир провинции, подвергающийся модернизации» [Красильников 1998:25].
- ⁵ Так, Е. Шилс «противопоставляет центр периферии как носителя потребителю институтов власти (экономической, правительственной, политической, военной) и тех, которые создают культурные символы (религиозные, литературные и т. д.)» [Чичканова 1999:204].
- ⁶ Довольно распространена, особенно в западной традиции, дихотомия «центр–периферия». Однако такое противопоставление представляется некорректным в силу того, что под *периферией* понимается именно сама окружность (греч. *periphēreia* — окружность), либо прилегающее непосредственно к ней пространство, местность, отдаленная от центра, окраина [Современный словарь иностранных слов 1992: 457]. Провинция же — *не только* окраина. Ср., напр., с концепцией В. Л. Каганского: «Основных зон культурного ландшафта <...> не две и даже не три («центр — полупериферия — периферия»), но четыре: Центр — Провинция — Периферия — Граница. Центр интегрирует культурный ландшафт изнутри, Граница оконтуривает его извне. В свою очередь, Провинция прицентральна — Периферия пригранична, и путать их ни в коем случае нельзя. Центр — это метрополия, столица страны, фокус районогенеза и т. д.; Провинция — ядро типичности территории, своего рода «глубинка» страны, ее срединная зона; Периферия — окраина, зона освоения, колония; Граница — маргинальная зона, рубеж территории, ее барьер» [Стрелецкий 2002].
- ⁷ Здесь уместна аналогия с расширением кругов от брошенного в воду камня: чем дальше концентрическая волна от точки падения камня, тем больше ее длина окружности, но и тем слабее ее сила.
- ⁸ Эта оппозиция подробно разработана Шпенглером как противостояние *природы и культуры*. Деревня (природа) — это привязанное к земле, нетворческое существование, растительное буйство крови, стре-

мящееся к размножению, подчиненная космическому ритму, живущая душой и интуицией. Город (культура) — это свободный, оторванный от земли дух, творческое бодрствование с твердым «каменным» ограничением желаний и зова крови, напряженностью деятельности, живущее умом и мышлением [Шпенглер 1999:114-132]. Или: «замещение природных элементов окружающей человека среды искусственно создаваемыми есть фундаментальная черта городского образа жизни» [Алисов 1997:11].

⁹ У Шпенглера подобная иерархия выглядит так: деревня (соотносится с природой) — город (соотносится с культурой) — абсолютный, мировой, город (соотносится с цивилизацией). И если город — отрыв духом от земли — еще рудиментарно одушевлен, то абсолютный город — это чистый дух, царство интеллекта и целесообразности, полная победа над ландшафтом-природой, место обитания «интеллектуального кочевника», совершенно не привязанного к земле и не размножающегося телесно [Шпенглер 1999:118-133]. В соотнесенности с концепцией Каганского это будет иметь такой вид: Центр — мегаполис, полностью преобразованный, искусственный ландшафт, Провинция — город, Периферия — деревня, Граница — естественный ландшафт, последняя зона культурного влияния.

¹⁰ Так, в малом городе (населением не более 50 тыс. человек), «жители большей частью имеют сады и огороды у домов; <...> его окружают леса, поля, пойменные луга, близко подступающие к застройке <...>. Промышленность, как правило, невелика и заключается в переработке сельскохозяйственных продуктов и местного сырья; в них нет институтов, но имеются зачастую лишь два-три училища или техникума. (...) При этом малые города составляют основную массу всех городских образований — их насчитывается около 2/3, а вместе с поселками городского типа общее количество превышает 90%» [Возлинская 1985: 94-95].

¹¹ К примеру, в христианской традиции именно «Небесный Град Иерусалим» символизирует идеальное «Царствие Небесное»; в индуистской традиции «Божественным Градом» «именуется собственно центр бытия», который «есть место пребывания Пуруши, отождествляемого с Божественным Первоначалом (Брахманом)» [Генон 1997:484, 488], и «для того, чтобы быть законными и приемлемыми с традиционной точки зрения, <...> строение и организация всякого города или человеческого общества должны стремиться сколь возможно полно брать за образец «Божественный Град» [Генон 1997:489-490]. Древние римляне, давшие миру понятие «провинции» (этимологически — «подвластная», «побежденная», «внеиталийская завоеванная область с римским наместником во главе» [Дворецкий 2000: 632]), также испытывали особый пиетет к своему Городу: «Сознание того, что Рим есть особое, неповторимое и в этом смысле замкнутое в себе явление, отдаленное от окружающего мира, как бы стоящее иерархически несравненно выше его, а народы этого мира более или менее неполноценны и созданы для подчинения, проявляется в истории города неоднократно и в самых разных формах» [Кнабе 1985:112]. Рим как «центр мира» был образцом для подражания, эталоном для провинции, на которую проецировалось сакральное могущество столицы: «во всех своих чертах муниципальной жизни, религии и идеологии римский провинциальный город обнаруживает связь с идеологией и культурой города Рима и имперской идеологией вообще» [Колосовская 1985:201].

¹² Поэтому и Т. А. Чичканова отмечает (с опорой на Е. Шилса) необходимость выделения городской и сельской провинций, каждой — с особым типом культуры [Чичканова 1999:210], «при этом территория, в рамках которой выделяют городскую и сельскую провинцию (их антитеза, кстати, тоже определилась еще в античную эпоху), чрезвычайно

многообразна и различается степенью периферийности» [Чичканова 1999:204].

¹³В частности, та же Москва — «не только 1) столица, но и 2) один из многих регионов (провинций) нашей страны. <...> Потребности столицы и Москвы как региона очень часто не совпадают» [Брушлинский 1997:41]. Здесь имеется в виду прежде всего административный статус столицы как центра управления страной; в этом отношении столичность, действительно, ограничена стенами Кремля. Об относительности понятия «столица», о несовпадении его «государственного и духовного статуса» пишет Е. Бурлина: «В столице государства сосредоточены институты власти и политики. Духовная столица определялась в истории культуры по тому, где живет подвижник, гений. С точки зрения власти, Палестина времен Иосифа Флавия — далекая отсталая провинция. А для христианства Иерусалим того времени — «око мира» <...>. В таком же смысле небольшой Веймар Европы во времена Гете и Вагнера был духовной столицей, а крошечная Ясная Поляна — столицей толстовства, пока был жив сам Лев Николаевич» [Бурлина 1994:49].

¹⁴Источник маргинальности — именно этот диссонанс, конфликт максимальной «культурности» и максимальной «природности», между которыми в большей или меньшей степени (по мере «удаленности» от центра-столицы) пребывает провинциальное поселение: «маргинальной делает ситуацию диссонанс», маргинален тот персонаж, который «пребывает вне системы, но полагает себя находящимся внутри», чей «внутренний статус выше внешнего» [Каганский 1999:60, 61]. Конкретные примеры несоответствия: несоответствие выражаемого и выражающего «была зорко выхвачена в русском сатирическом искусстве. Сельцо «Соломино-Трианон», гостиница «Ливерпуль» на грязной главной улице, колхоз имени Васко да Гамы и прочая страсть к созданию своих несоответственных «Нью-Васюков». Мирок, с одной стороны, живет мелким бытом, с другой — иллюзиями, призрачностью» [Бурлина 1994:50-51]. «...Главным атрибутом образа провинциала как определенного типа культурно-исторического поведения выступало несоответствие личности деятеля со своим временем» [Чичканова 1999:206].

¹⁵Например, странно и нелепо выглядят среди сельского пейзажа несколько «коробок» пятиэтажных жилых домов в селе Гагарино Ишимского района Тюменской области, которыми жители этого села чрезвычайно гордятся. Подобные случаи возведения в селах неорганичных им «многоэтажек» в советское время становились объектами карикатур и сатирических заметок (особенно в журнале «Крокодил»).

¹⁶Таково, например, явление регионального архитектурного стиля «сибирское барокко» (термин введен Д. А. Болдыревым-Казариным) — своеобразный синтез украинских, московских и местных традиций; подробнее см.: [Жученко 1984:19], [Проскуракова 1979:150-151], [Каптиков 1985:24]. Стиль этот существовал в Сибири и тогда, когда в столицах — Петербурге и Москве — уже набирал силу и властвовал преемник барокко — классицизм [Жученко 1984:61].

ЛИТЕРАТУРА

- Алисов Д. А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997.
 Брушлинский А. В. Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
 Бурлина Е. Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. 1994. № 1.

- Возлинская В. Малые города // Архитектура СССР. 1985. № 6.
- Генон Р. Символы священной науки. М., 1997.
- Дворецкий Н. Х. Латинско-русский словарь. М., 2000.
- Жученко Б. А., Заварихин С. П. Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984.
- Каганский В. Л. Вопросы о пространстве маргинальности // Новое лит. обозрение. 1999. № 37.
- Каптиков А. Ю. Урал и региональные школы зодчества Вятки и Тобольска второй половины XVIII века // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1985.
- Качкин А. В., Качкина Т. Б. Провинция обретает глобальное измерение // А. С. Пушкин и российское историко-культурное сознание: Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем. Самара, 1999.
- Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима: В 2 т. М., 1985. Т. 2.
- Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура Древнего Рима: В 2 т. М., 1985. Т. 2.
- Красильников С. А. Сибирская провинция и центр: культурная грань взаимодействия в послереволюционные годы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1998. № 2.
- Ларин Ю. В. Проблема модели человеческой деятельности // Теория и экология разума. Вып. 8. Тюмень, 2000.
- Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.
- Проскурякова Т. С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследие. Вып. 27. М., 1979.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
- Стрелецкий В. Будни антиландшафта: Рец. на: Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001 // Книжное обозрение «Ex libris НГ». 2002. 14 марта.
- Чичканова Т. А. Этимология и история понятия «провинция» // Регионоведение. 1999. № 3 (28).
- Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. Минск, 1999.

НАТАЛЬЯ
ПЕТРОВНА
ДВОРЦОВА,

ТАТЬЯНА
СЕРГЕЕВНА
ЛАЗАРЕВА

ДЛЯ КОГО СЕГОДНЯ ПИШУТ, ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ: КТО ОН?

В статье освещаются итоги зондажного исследования читательской культуры тюменцев, проведенного авторами в октябре 2001 – январе 2002 гг. и посвященного ответу на вопрос: «Что и почему читают жители нашего города?»

Для российской культуры, как известно, всегда было характерно «придание книге особой, предельно высокой значимости, как бы сакрализация ее образа и значений» [Дубин 2001:82], однако в последнее десятилетие, с